

КАРЛО ФРУТТЕРО
ФРАНКО ЛУЧЕНТИНИ

Венецианский роман

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Ф93

Carlo Fruttero and Franco Lucentini
L'AMANTE SENZA FISSA DIMORA
Copyright © 1986 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano
Copyright renewed © 2019 Mondadori Libri S.p.A., Milano
All rights reserved

Издание подготовлено при участии литературного агентства *ELKOST Intl. literary agency*.

Перевод с итальянского Лидии Иорданской под редакцией Игоря Мельчука
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Фруттеро К., Люцентини Ф.

Ф93 Венецианский роман : роман / Карло Фруттеро, Франко Люцентини ; пер. с ит. Л. Иорданской. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 336 с. — (Акценты).

ISBN 978-5-389-32674-3

Ноябрь. В туманной, дождливой Венеции встречаются двое: потрепанный жизнью экскурсовод мистер Сильвера и безымянная героиня – богатая и знатная молодая дама, которая занимается розыском старинных картин для аукционов. Несмотря на разницу в возрасте и положении, между ними вспыхивает страстный роман. Однако эта история не только о любви: героиню мучает тайна, которую хранит мистер Сильвера. Его удивительная образованность и почти мистическое знание Венеции наводят на мысль, что он прожил не одну жизнь, а его прошлое и настоящее напрямую связаны с библейской легендой об Агасфере, обреченном на вечные скитания. Так кто же он, этот мистер Сильвера?

Роман написан в изысканном интеллектуальном стиле, который критики назвали «вагнеровским мотивом, исполненным моцартовскими руками». Авторы с присущим им блеском описывают мир туристов и аристократии, создавая «интересную подборку человечества». Жанр романа можно охарактеризовать как детектив, хотя здесь нет трупов, а есть только подделка картины для обмана таможни, и расследование касается не столько этого преступления, сколько загадки человеческой личности.

Блестящий роман, после прочтения которого вам захочется немедленно отправиться в Венецию!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

© Л. Иорданская, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-32674-3

I

Когда мистер Сильвера наконец решается...

1

Когда мистер Сильвера наконец решается ослабить ремень безопасности и, перегнувшись через соседей, заглянуть в иллюминатор («*Look, look, Mr. Silvera!*»¹), самолет уже лег на крыло — Венеция исчезла, и он видит лишь далекий кусочек моря серо-стального цвета и рядом большую алюминиевую трапецию.

— *The lagoon!* — дружно кричат туристы его группы и двух других групп, которыми заполнен рейс Z114. — *La lagune! A laguna!*²

Для них важнее назвать, чем по-настоящему увидеть, город, храм, статую, фрески, водопад, остров и все земли и воды, за посещение которых они заплатили. *Look, look*, Колизей, Сикстинская капелла, пирамиды, Пизанская башня, лагуна... Они произносят эти названия как заклинания, словно хотят хоть на несколько мгновений вызвать к жизни воображаемые объекты. Человек пять-шесть, ко-

¹ Смотрите, смотрите, мистер Сильвера! (*англ.*)

² Лагуна! (*англ., фр., порт.*)

нечно, пытаются навсегда удержать в памяти виды лагуны — с помощью своих кинокамер и фотоаппаратов.

Равнодушный к восторгам туристов, мистер Сильвера устраивается поудобнее в кресле, вытянув длинные ноги в проход между сиденьями; на его лице светится автоматическая доброжелательная улыбка. Сильвера — мужчина лет сорока, высокий и худой, с четким профилем, словно отчеканенным на старинной монете; с чуть сгорбленными плечами спортсмена — например, бывшего теннисиста или шахматиста, привыкшего склонившись сидеть над столом, размышляя, куда ему двинуть слона. Его изящные и нервные руки наводят на мысль о покере или рулетке, а также об умелых прикосновениях к фарфору, пергаменту и музыкальным инструментам или к женским чулкам, шелку, кружевам и тугим застегкам ожерелий.

Это человек явно необычный, и с ним плохо совместима его профессия — слишком уж мелкого калибра она для него. Всего лишь гид. Сопровождает и развлекает туристические группы. Обычно на такую работу берут людей помоложе. У одной из двух других групп, которые летят этим же рейсом, гид — все время смеющаяся девушка, а у второй — коренастый, крестьянского вида парнишка с русым чубом, налезавшим на глаза.

Сильвера принял свою группу сегодня утром в 6:15 перед зданием «Империял Турс», лондонского агентства путешествий, — хоть какая-то работа на несколько дней. Поездки на автобусе в аэропорт Хитроу ему хватило, чтобы познакомиться со всеми двадцатью восемью туристами, точнее, чтобы распределить их по отделениям своей обширной памяти, привыкшей мгновенно классифицировать информацию. Обычные люди, нормальная клиен-

тура этого агентства: пенсионеры, владельцы маленьких магазинчиков, мелкие служащие, мастера-ремесленники; всегда одни и те же национальности: больше всего англичан и французов, потом латиноамериканцы и канадцы, несколько скандинавов, два ямайца, два индийца, один португалец с дочерью-подростком, которая не сводит с мистера Сильверы своих больших черных глаз. И фамилии всегда одни и те же: Джонсон, Торрес, Перейра, Петерсен, Сингх, Дюран...

Рейс Z114 уже совершил две посадки, в Брюсселе и в Женеве, подбирая другие тургруппы. Кроме того, в Женеве в самолет вошли три пассажира из списка ожидания, чьи рейсы в Венецию и Афины были ранее отменены. Два греческих бизнесмена и итальянка, которая теперь сидит в том же ряду, что и Сильвера, с другой стороны от главного прохода.

Широкобедрая стюардесса быстро приближается, собирая последние пластиковые стаканчики, и мистер Сильвера, поджав вытянутые ноги, улыбается ей. Но ее лицо по-прежнему хранит недовольное выражение, — проблемы в личной жизни? Более вероятно, воспоминания о профсоюзных дразгах.

Сильвера расправляет плечи и слегка оживляет свою автоматическую улыбку — и тут итальянка с другой стороны прохода улыбается ему в ответ. «Прошли времена, — говорят друг другу их глаза с выражением лукавой многоопытности, — когда стюардессы относились к пассажирам с таким же почтением, с каким обходятся с клиентами служащие дорогих отелей, с заботливостью родителей; впрочем, с другой стороны, заслуживают ли такого отношения ны-

нешние пассажиры, туристы нового типа? Они заплатили, их доставили в Венецию, и хватит с них!»

Самолет касается земли, со скрежетом тормозит и постепенно замедляет свой бег у самого края лагуны.

— *Well*¹, — бормочет мистер Сильвера, вставая, — *well...*

Высокий рост придает ему вид некоторого превосходства над окружающими. Этому превосходству, однако, решительно противоречат его изрядно поношенный твидовый пиджак и прожженные сигаретами дырочки на полях плаща, который он натягивает на себя. Смешливая девушка-гид уже хлопочет вокруг своей группы; а паренек крестьянского вида рекомендует своему гораздо более многочисленному стаду сохранять дисциплину и спокойствие.

— *Well*, — вздыхает мистер Сильвера, снимая с полки сумку. Заметив, что его соседка-итальянка тщетно пытается дотянуться до своего чемоданчика, он достает его и протягивает ей рыцарским жестом.

— *Thank you*², — говорит женщина.

— Аа... — отвечает мистер Сильвера, но глаза его смотрят куда-то вдаль.

Потом ему приходится заняться своей группой («*Please, please, Mr. Silvera!*»³): надо проследить, чтобы с полок были сняты все куртки, плащи, шарфы и сумки, чтобы были подобраны забытые на сиденьях пакеты, а еще приходится успокаивать нетерпеливых и подталкивать задержавшихся. Юная португалка следует за Сильверой, слегка опу-

¹ Ну вот (англ.).

² Спасибо (англ.).

³ Пожалуйста, пожалуйста, мистер Сильвера! (англ.)

стив голову и пристально рассматривая его из-под красивых черных ресниц. У трапа мистер Сильвера и двое других гидов, стоя на ветру, пересчитывают своих туристов и разделяют группы.

Но не португалке Сильвера подает руку, чтобы помочь спуститься с последней ступеньки. Честь оказана итальянской синьоре, и этот жест исполнен какой-то отрешенной меланхолии и взаимопонимания.

— *Thank you*, — снова говорит она серьезно.

— Аа... — произносит, не глядя на нее, мистер Сильвера.

И вот он уже ведет своих подопечных к аэровокзалу. Они шагают, дружно повернув головы к стальной трапедии лагуны: ведь ни одного пенса из их тарифа «Эконом» не должно пропасть даром. Группа смешливой француженки опередила их на паспортном контроле и на таможне, но потом все идет без сучка без задоринки — никто больше ничего не проверяет. В конце концов в зале прибытия мистер Сильвера снова собирает в кучку своих двадцать восемь туристов, чтобы не дать им разбрестись по барам и туалетам.

— *No, no*, — говорит он извиняющимся тоном, — *no cappuccino, please, ningún vino*¹.

Они выходят на улицу, на ветер, но на площади нет ни одного автобуса. Тогда все бросаются к лагуне, которая начинается в нескольких метрах слева и исчезает вдаль за горизонтом. Четыре или пять стройных катерков с флажком на корме, причаленные к маленькой пристани, покачиваются на волнах вместе с чайками.

¹ Нет, нет! Никакого капучино, пожалуйста (*англ.*), никакого вина (*исп.*).

— Такси? — спрашивает один из водителей. — *Venedig, Taxi? Taxi, Venise?*¹ — повторяет он, показывая на далекую точку, где-то вдаль за водным простором.

Туристы гида-«крестьянина», стоявшие ближе к воде, с криками и смехом уже погрузились на пузатый корабль с кабиной.

Двадцать восемь туристов мистера Сильверы смотрят на него с укором: а как же мы?

— *No boat*, — решительно говорит он, — *no boat, ningún barco, sorry*².

Тариф компании «Империял турс», объясняет он, не включает трансфер в Венецию морем, через лагуну. Компания предоставляет замечательный итальянский автобус, *a fine Italian coach*, ярко-красного цвета, и он проедет по знаменитому мосту.

— *A famous bridge?*³ — утешаются двадцать восемь.

Да, самый длинный мост в Европе, привычно лжет мистер Сильвера и направляет группу в обратную сторону, в сторону земли. А сам задерживается на несколько минут — проследить, чтобы багаж погрузили на моторную баржу кооператива носильщиков и отправили по правильному адресу.

Вот он стоит на пристани один и смотрит на лагуну, как надменный вельможа или как кондотьер, который наконец захватил гавань; а может быть, как тот, кто прощается с ней, кто потерял ее навсегда?

Одно из водных такси отрывается от берега, описывает по воде элегантную параболу и под крики чаек устремля-

¹ Такси, Венеция? (нем., фр.)

² Извините, катера не будет! (англ., исп.)

³ Знаменитый мост? (англ.)

ется к Венеции. Рядом с кормовым флажком мистер Сильвера видит в последний раз итальянку с рейса Z114, то есть меня.

— Аа... — бормочет мистер Сильвера.

И он не отвечает на мой прощальный жест, не поднимает руку, а его плащ, хлопая, развевается на холодном ноябрьском ветру, как изношенное, посеревшее знамя.

Вот так я встретила с ним, так я увидела его в первый и, как я думала, в последний раз.

2

Тогда я не придавала никакого значения тому, что мистер Сильвера работал гидом, можно сказать, массовиком-затейником, который сопровождает и развлекает тургруппы (бог знает, как это правильно называется). Я заметила, впрочем, с первого взгляда (в силу профессионального навыка), что он выделяется среди толпы пассажиров: профиль — как на античной монете. Впрочем, это не вызвало у меня особого любопытства, и даже не возник вопрос, что же может связывать его с такими заурядными людьми, которые без конца теребили его: «Мистер Сильвера, мистер Сильвера!» Я просто поместила его в свой воображаемый аукционный каталог: «необычный, немного таинственный пассажир»; и переключилась на собственные дела.

Сейчас, конечно, я не могу угадать, какое впечатление он произвел бы на меня, если бы я рассматривала его с точки зрения его профессии, которая подходит скорее бедным студентам, ищущим заработок на время летних каникул (сын Розы или дочь моей кузины Макки в течение не-

скольких лет подрабатывали экскурсоводами), но чтобы немолодой уже человек занимался этим в ноябре, да еще с туристами такого уровня... Это не могло вызвать ничего, кроме жалости. И, вероятно, синьор Сильвера исчез бы из моей памяти навсегда — с промелькнувшей мыслью типа «Смотри-ка, за какую работу вынужден браться этот бедняга с седыми висками»; или, может быть, если учесть его фамилию, «Подумать только, до какой крайности дошел этот бедный еврей-сефард: чтобы как-то выжить, он должен заниматься таким делом». Неудачник, чуть ли не умирающий от голода, одним словом, *bum*, бомж, — бездомный бродяга. И при таком первом впечатлении у человека почти нет шансов снова подняться в моем мнении. Следовательно, потом все могло бы пойти совсем по-другому или даже вообще никак не пойти.

А между тем из-за моей невнимательности, случайной или вызванной легкой сонливостью, я вдруг задумалась о собственной профессии, в которой, как выясняется, немало общего с его работой. Мое дело тоже требует постоянных переездов, оно тоже в каком-то смысле бродяжническое. Мне приходится точно так же заискивать перед клиентами, глотать обиды и унижения, быть готовой потакать прихотям, льстить, успокаивать, подлаживаться к людям, иногда совершенно ужасным. Профессия, где ты встречаешься с красотой, ищешь ее, оцениваешь ее, комментируешь ее — и все это с полным равнодушием; ведь на самом деле ты как бы и не видишь красоту. Может быть, я преувеличиваю, но единственная разница между туристическим гидом и мной, кажется, вот какая: гид получает фиксированную, но до смешного маленькую зарплату (плюс

мелкие чаевые), а мне платят хрустящими чеками, выписанными на престижные банки.

Итак, наши пути разошлись: он отправился со своими овечками на автобусе, а я — на водном такси в отель на *Canal Grande*, то есть на Большом канале, где останавливалась в прошлые приезды и где обслуживающий персонал пытается имитировать гостеприимство старого доброго времени: «Как поживаете?», «Вы снова в Венеции!», «Как прошла дорога?», «Ну и погода!», «Для вас есть почта», «Сейчас я приготовлю вам “Манхэттен”... или, может быть, зеленый чай?». И так далее. Все это говорится с профессиональной фамильярностью, так, чтобы я почувствовала себя как дома, даже если с последнего посещения прошло несколько месяцев. И старый Томмазо, который управляет лифтом с серьезностью и важностью камергера времен Людовика XVI, тихо бормочет как бы про себя: «Все краше и краше!»

Да, он знает свое ремесло: он умеет сказать подобную фразу, давая понять, что это перевод на язык роскошного отеля грубоватого выражения «Вот это кадр!» или чего-нибудь еще более вульгарного, идущего прямо из его ослабевшего низа (а может, и не так уж ослабевшего?).

На ходу я бросаю взгляды в развешанные повсюду огромные зеркала в золотых рамах и констатирую, что здесь даже зеркала знают свое дело. Вижу (и сразу мысленно заношу в каталог, отмечая, конечно, «прекрасную раму в современном стиле») «Портрет молодой женщины», предположительно написанный «тосканским или умбрийским художником начала XVI века, в котором очевидно влияние Боттичелли и Липпи, с одной стороны, и Перуджино — с другой». Рафаэллино дель Гарбо? Не-

смотря на современный дорожный костюм, характерный для франко-японской школы (в духе Иссэя Мияке), молодая женщина в зеркале очень похожа на изображения Мадонн кисти дель Гарбо, а также на прекрасную блондинку с картины «Дама в профиль» из парижской коллекции баронессы Ротшильд. (Эту картину Беренсон¹, а вслед за ним и мой друг Дзери приписывают именно Рафаэллино.) Портрет тем более лестный, что Рафаэллино (или другой автор портрета) вежливо опустил примечание AETATIS SUAE XXXIV, то есть «в возрасте 34 лет», а значит, это число можно свести к тридцати годам или даже меньше.

В коридоре мы встречаем группу японцев, молча идущих по толстому ковру парами, как девицы-пансионерки. Только тут одни мужчины, и все в темных костюмах.

— По крайней мере, они тихие, — замечает Томмазо снисходительно.

— У вас их много даже не в сезон?

— Все больше и больше, во все времена года. Говорят, что это туристы, но, по-моему, они приезжают сюда, чтобы копировать Венецию. Увидите, вскоре они примутся строить свою Венецию, в точности такую же.

Эту шутку, я уверена, он произносил с успехом много раз.

— Впрочем, Венецию скопировать невозможно, — добавляет он с гордостью.

И все-таки я понимаю его опасения: каждый раз, когда я оказываюсь в Венеции, в городе, исхоженном множеством людей, мне начинает казаться, что миллионы вос-

¹ Бернард Беренсон (1865–1959) — известный американский искусствовед, специалист по итальянской культуре.

хищенных взглядов постепенно и незаметно разрушают его, как это делают набегающие на берег волны, что каждый взгляд крадет частичку Венеции, высасывает ее...

* * *

Даже не разобрав чемодан, я позвонила Кьяре, чтобы узнать, состоится ли назначенный на сегодня визит. Я должна была осмотреть собрание старых картин, ценность которых была пока неизвестна, и постараться устроить все так, чтобы, в случае если они того стоят, они достались «Фоуксу» — тому аукционному дому, на который я работаю. Кьяра же представляет этот дом в Венеции; два дня тому назад она договорилась о визите. Но в Венеции нельзя быть уверенным ни в чем. В этом городе, где никто никогда не спешит, все дела могут быть перенесены на следующий понедельник.

— Алло, Кьяра? Ну вот, я все-таки приехала, хотя чуть было не застряла на континенте. Так как? Все в порядке с нашим визитом в три?

В ответ я услышала не без досады (а досада обычна в нашей работе), что насчет трех часов все в порядке, а вот с картинами все далеко не в порядке: кто-то видел эту хваленую «коллекцию Званич» и говорит, что это просто куча мазни.

— Действительно, картины семнадцатого или восемнадцатого века, сказали мне, но — мазня.

— Кто же их видел?

— Вообще-то почти все. Приходили даже из Артнадзора, но уже известно, что они не будут препятствовать вывозу; кажется, что это просто «картины как предмет обстановки», как они говорят. Единственный, кто ими интересуется, — это Пальмарин.

— Зря, значит, я летела.

— Я пыталась тебя предупредить, звонила в Париж, но ты уже уехала... Слушай, раз ты уже здесь, не хочешь ли все же взглянуть на эти картины?

— Ладно, давай взглянем.

— И кажется, есть еще одно дело — какая-то вилла в Падуде; мне сказал про нее все тот же Пальмарин. Мы с ним поедem туда к пяти часам.

— Ну ладно, пусть будет и Пальмарин.

Потом я разобрала чемодан, приняла душ и позвонила моему доброму венецианскому другу Раймондо, чтобы напроситься в гости.

— Богиня! — восклицает он. — Ты что, мне снишься? Приезжай немедленно!

— Не могу, у меня деловое свидание.

— Тогда на ужин.

— Я на это и рассчитывала.

— Безумно рад!

Его постоянные преувеличения, произнесенные хрипловатым голосом и ровным, нейтральным, но притом каким-то как бы торопливым тоном, всегда вызывают у меня улыбку. Раймондо вообще-то довольно злостный сплетник: он любит перемывать косточки знакомым. Меня, однако, он опасается, потому что я знаю его секреты и могу отплатить ему тем же. Так, однажды я случайно увидела, как он тащил тяжеленный чемодан какой-то старой немки, которая не могла занести его на мостик, где-то рядом с церковью Санта-Мария-деи-Фрари. Пытаясь отшутиться, он сказал, вздыхая:

— А что ты хочешь? В восемь лет меня изнасиловал вожакий моей скаутской группы.

— Нет, милый мой, теперь ты у меня в руках, — улыбнулась я, — теперь-то я знаю, что у тебя есть сердце.

Его небольшое палаццо в квартале Руга Джуффа, где всегда полно гостей разного рода и цвета, быть может, лучше всего представляет Венецию прошлых времен.

Я спустилась в ресторан, заказала без долгого раздумья камбалу по-французски и рассеянно оглянулась вокруг. И снова убедилась, что теперь в Венеции невозможно увидеть человека с живыми глазами и любопытным лицом. Окружающие (включая меня), потягивающие за столиками «Манхэттены» и «Беллини», выглядят как усталые командировочные, приехавшие сюда за счет университетов, международных ассоциаций, промышленных предприятий или знаменитых музеев. Даже у молодоженов, проводящих здесь медовый месяц, ожидаешь увидеть бейджик, приколотый к лацкану, или чек для отчета о расходах, лежащий на столе рядом с сумочкой от Гуччи.

А снаружи по знаменитому каналу двигаются взад-вперед фигурки туристов, вклеенные в водные трамвайчики-вапоретто, как в начальный учебник этнографии. Вот кучка блондинов — немцев или скандинавов, рядом — гроздь желтых лиц, а дальше — смуглые испанцы или греки; каждая группа жмет к своему мистеру Сильвере. Даже если тогда я, честно говоря, совсем не думала о мистере Сильвере (что сегодня мне кажется совершенно невероятным и непростительным), то сегодня я хотела бы знать о нем все, каждую деталь и каждое мгновение его жизни.

Можно, однако, использовать воображение. Можно попытаться реконструировать, хотя бы в главном, то, как оно было.

Мистер Сильвера наконец-то убедился в том, что все его подопечные взошли на водный трамвайчик («*Vite, vite, madame Dupont!*»¹), и, пробившись сквозь толпу, оказался позади небольшой группы русских с выбритыми мясистыми затылками. К его спине прижимается юная португалка; девушка, покраснев, опускает глаза, когда он, обернувшись к ней, спрашивает, все ли в порядке: *Tudo okay?*²

В каждой тургруппе имеются: влюбленная в него девочка-подросток, две пожилые синьорины с неистощимой энергией, пара ссорящихся супругов, один ипохондрик, один вечно недовольный, ко всему придирающийся всезнайка и один сплетник, всюду сующий свой нос. Это все равно как путешествовать с набором образцов на продажу, думает мистер Сильвера, который за время своей долгой карьеры побывал и коммивояжером по продаже украшений: камни, дизайн и металлы каждый раз разные, но ожерелья все равно остаются ожерельями, а брошки брошками.

Он уже бывал в Венеции много раз в качестве гида, но хорошо знал город только таким, каким он был раньше, — и совсем в других, менее банальных обстоятельствах. Однако он никогда не говорит об этих его прежних Венециях; он хранит их образы в закрытый отделах памяти и не использует в своей нынешней работе. Он мог бы показать своим двадцати восемью подопечным не очень известное палаццо, рассказать какую-нибудь забавную историю, свя-

¹ Пожалуйста, побыстрее, мадам Дюпон! (*фр.*)

² Все в порядке? (*порт.*)

занную с той или иной колокольней, привести их в необычный сад, обратить их внимание на купол старинной церкви; но он ограничивается самым необходимым: мост Скальци, канал Каннареджо, Фондако-деи-Турки, палаццо Ка-д'Оро, мост Риальто... Пропускает набережную Дель-Вин и, после некоторых колебаний, даже палаццо Бернардо.

— *Look, look, Mr. Silvera, a real gondola!*¹

— Аа... — говорит мистер Сильвера. — *Yes, indeed*².

Он знает другие названия для местных суденышек (гондолино, каорлино, маскаретта...), но не упоминает их. Это бесполезно, говорит он себе, ведь все это не интересно никому, а тем более этим двадцати восьми.

В действительности же дело в том, что даже слегка прикоснуться к той тайной Венеции — городу парчи, золота, пурпура, хрусталя — невозможно без сожаления; во всяком случае та, другая Венеция не имеет ничего общего со схематичной, безличной Венецией компании «Империял турс».

Церкви Сант-Анджело и Сан-Томá, палаццо Реццони́ко, Академия. Их трамвайчик проходит то с одной, то с другой стороны Большого канала, причаливает к пристани, с него сходят тридцать датчан и на него поднимаются тридцать детей, возвращающихся из школы; и вот трамвайчик, этот бедный работяга, резко дернувшись, снова бежит к ближайшей пристани — настоящий водяной мул.

Его группа должна высадиться у Сан-Марко, чтобы осмотреть знаменитую площадь, базилику Сан-Марко

¹ Смотрите, смотрите, мистер Сильвера, настоящая гондола! (англ.)

² Да, действительно (англ.).

и Дворец дождей. Но до этого надо поесть. Мистер Сильвера знает, что голодные туристы начинают нервничать; даже если их ведут через века — чтобы побывать при взятии Бастилии, при разграблении Рима или в битве при Фермопилах, все равно где-то около часа дня они начинают проявлять легкое беспокойство и обмениваться многозначительными взглядами и сыпать вопросами: «А когда будем есть? Что, вообще не будем обедать?» Всегда находится по крайней мере одна женщина, которая чувствует себя «зверски голодной», и другая, более предусмотрительная, открывает сумочку: «Можно предложить вам печенье, сеньора Гомес? Хотите конфетку, миссис Уилкинс?»

И обе смотрят с упреком на мистера Сильверу, который в течение нескольких минут рассказывает им про мост Вздохов и Джáкомо Казанову.

Поскольку все его двадцать восемь туристов думают, что Казанова то ли кончил свои дни в этой тюрьме из-за своих историй с женщинами, то ли сбежал оттуда благодаря влюбленной в него даме, мистер Сильвера не разубеждает их, а вместо этого пускает в ход такую беспроигрышную шутку: давайте выберем Казанову в нашей группе — прямо сейчас, здесь, на набережной Скъявони. Туристы громко смеются, распуская чаек хохотом, и, наконец, выбирают сеньора Бустоса, живого мужичка лет пятидесяти, жена которого, конечно, польщена больше, чем он сам. Эта шутка будет развлекать их до конца вечера, потом она будет вспоминаться с перерывами в последующие дни, снова станет популярной к концу путешествия, а позже ее будет с удовольствием рассказывать сам сеньор Бустос. От тысячелетней Венеции Бустос за-

помнит только то, что там его случайные спутники выбрали его Казановой, *no less*¹.

Мистер Сильвера смотрит на очертания близких и далеких островов: вода, вода повсюду, как океан в миниатюре, который бороздят во всех направлениях маленькие кораблики, и думает вслух по-испански: тысяча лет, этому городу тысяча лет...

Те, кто стоит рядом с ним, принимают это за ценную туристическую информацию и повторяют восхищенно: «¡Mil años! Thousand years!»²

— *Look, look, Mr. Silvera! The pigeons!*³

— Подойдем к ним! — командует мистер Сильвера, знающий, как надо обращаться с тургруппой.

И вот они под шум крыльев тысячи взлетающих голубей приходят на площадь Сан-Марко («Oooooo! Piazza San Marcooooo!»⁴); здесь мистер Сильвера оставляет их, чтобы они могли, в соответствии с традицией, фотографировать друг друга, а сам идет позаботиться об «уникальном венецианском обеде», включенном в бюджетную смету компании «Империял турс».

Он проходит под темной аркой, машинально наклоняя голову, идет по двум или трем улочкам (один раз все-таки ошибаясь в направлении) и, наконец, замечает вывеску «Золотая рыбка»; в этой пиццерии должны стоять два длинных стола с приборами на двадцать восемь человек в ожидании его группы. Но тут же он чутьем гида понима-

¹ Ни больше ни меньше (*англ.*).

² Тысяча лет! (*исп., англ.*)

³ Смотрите, смотрите, мистер Сильвера, голуби! (*англ.*)

⁴ Oooooo! Площадь Сан-Маркоooooo! (*ит.*)

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

КАРЛО ФРУТТЕРО, ФРАНКО ЛУЧЕНТИНИ
ВЕНЕЦИАНСКИЙ РОМАН

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Антонина Галль
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.07.2026.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 19,53. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-AET-41986-01-R